
Научный взгляд на проблему ранних воспоминаний и самооценки преступников

Дебольский М.Г., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и права Факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (mdebolsky@mail.ru)

Огор А.Ю., бакалавр психологии, студент 2 курса магистратуры «Юридическая психология: судебно-экспертная практика» Московского городского психолого-педагогического университета (a.ogor@kellyservices.ru)

В статье представлен теоретический анализ работ по проблеме ранних воспоминаний и самооценки преступников. Обсуждаемые вопросы рассматриваются в русле концепции Альфреда Адлера. Показано, что ранние воспоминания являются отправной точкой автобиографии человека, в них прослеживается первая оценка себя, которая лежит в основе самооценки личности и формирует жизненный стиль. Выдвинута гипотеза о существовании взаимосвязи между содержанием ранних воспоминаний и самооценкой, что является предпосылкой формирования преступного стиля жизни значительной части правонарушителей. Данную гипотезу авторы пытаются теоретически обосновать на основе анализа значительного количества зарубежных теоретических работ (Дж. Брунера, С. Шахтера, Г. Мюррея, Дж. Крамера, С. Томкинса, Л. Росс и Ньюби-Кларк, М. Сингер и П. Саловой, Л. Полкингтон и Д. МакАдамса) и некоторых эмпирических исследований (А. Молоствова). В статье рассмотрены основные точки зрения на вопрос о правильности воспроизводимых человеком воспоминаний. Авторы разделяют позицию Адлера, что именно те или иные события детства формируют самооценку человека. И если в детстве сформировалась неполноценность в определенной области, то человек всю жизнь стремится ее преодолеть и именно на ценностях в этой области будет основываться его самооценка. Показано, что важно найти фундаментальные ошибки, сделанные в раннем периоде развития личности индивида, тогда при помощи определенной терапии можно их исправить и в зрелом возрасте. Таким образом, статья ориентирует читателя на возможность совершенствования психотерапевтической работы с ранними воспоминаниями осужденных для снижения риска повторных преступлений.

Ключевые слова: ранние воспоминания, стиль жизни, самооценка, стремление к превосходству, автобиографическая память, нарратив.

По данным МВД РФ за январь-август 2014 года 52,2% преступлений совершено лицами, ранее уже отбывавшими наказание [12]. Причины столь высокого уровня рецидивной преступности связаны с трудностями социальной адаптации бывших осужденных к жизни на свободе и недостаточной

эффективностью применяемых мер исправительного воздействия на осужденных. Открытым остается вопрос и об основных детерминантах преступного образа жизни лиц, неоднократно совершающих правонарушения. Вслед за представителями глубинных (психоаналитических) концепций мы полагаем, что весомые причины преступного поведения лежат в глубоком детстве, когда формируется прототип будущей личности, будущего стиля поведения. Тогда же формируется и самооценка человека, которая по своей сути является основным компонентом стиля жизни.

В своей работе мы будем придерживаться концепции Альфреда Адлера. Одно из ее положений можно сформулировать следующим образом: конечная цель человеческой жизни – это достижение совершенства, которое можно увидеть в его самых ранних воспоминаниях. Адлер говорил, что самые ранние воспоминания – это отправная точка автобиографии, в которой прослеживается первая оценка себя, которая лежит в основе самооценки [1]. Основываясь на адлеровской концепции мы предположили, что существует взаимосвязь между содержанием ранних воспоминаний и самооценкой, что является предпосылкой формирования преступного стиля жизни. Таким образом мы полагаем, что в ранних воспоминаниях могут отражаться истоки противоправных побуждений (стремление компенсировать возникшее чувство несовершенства, неполноценности).

Наряду с концепцией Адлера в психологии существует немало теорий, так или иначе касающихся проблемы взаимосвязи ранних воспоминаний и самооценки. В первую очередь это концепции и исследования автобиографической памяти, жизненных историй и нарративные подходы к человеческому поведению и опыту. Среди таких подходов концепции Дж. Брунера, С. Шахтера, Г. Мюррея, Дж. Крамера, С. Томкинса, Л. Росс и Ньюби-Кларк, М. Сингер и П. Саловей, Л. Полкингтон и Д. МакАдамса. Все эти ученые изучали автобиографическую память, имели свои версии того, как воспоминания о личном опыте формируются в памяти, как они воспроизводятся, какую структуру имеют. Человеком, привнесшим наибольший вклад в объяснение автобиографической памяти, стал современный американский психолог Дэн МакАдамс. Он ввел понятие жизненной истории как социокультурно-обусловленного нарратива, являющегося частью Я-концепции [6].

Термин «жизненная история» схож с понятием «жизненный стиль», введенным Альфредом Адлером. Жизненный стиль – это значение, которое человек придает миру и самому себе, его цели, направленность его устремлений и те подходы, которые он использует при решении жизненных проблем [11]. Жизненная история формируется за счет личных воспоминаний человека и является частью Я-концепции (то есть частью самооценки), а жизненный стиль закладывается в детстве и является способом разрешения жизненных ситуаций, он прослеживается в ранних воспоминаниях и дает нам знание о самооценке личности. Можно сказать, что эти понятия весьма связаны: ранние воспоминания являются частью жизненной истории, давая нам представления о жизненном стиле и самооценке личности. Дэн МакАдамс утверждает, что жизненная история – это психосоциальные конструкции, соавтором которых является сам человек, и тот культурный контекст, в который жизнь человека встроена, и который придает жизни смысл [7]. Таким образом, истории жизни отражают культурные ценности, нормы и убеждения человека относительно различных вопросов. Жизненная история – это ключевой момент, составляющий индивидуальность данного конкретного человека, помещенного в

определенную семью, окруженного друзьями и знакомыми, живущего в конкретном обществе в конкретный период [18].

Существование автобиографической памяти очень важно, поскольку она помогает различить и определить Я в разворачивающейся жизненной истории, которая при этом ориентирована на будущее. Жизненная история развивается по мере продвижения по жизненному пути, отражая различные своевременные и несвоевременные события и переходы [17]. Ранние воспоминания как часть жизненной истории тоже могут меняться со временем, это связано с некоторыми изменениями в жизненном стиле человека. По большей части, он не меняется, изменяемы лишь детали, отношения к каким-либо вещам. Во всех ситуациях мы обнаруживаем того же человека, ту же личность, то же психическое единство, но в одной ситуации самым ранним воспоминаниям человек может приписывать одни события, а спустя какой-либо период времени в абсолютно других жизненных обстоятельствах он будет приписывать этим воспоминаниям совершенно иные детали. Как отмечал в своих работах А. Адлер, воспоминания не бывают случайными – в каждый период жизни человека из множества воспоминаний детства актуализируются именно те, которые так или иначе связаны с его нынешней жизненной ситуацией. Воспоминания никогда не могут вступать в противоречие со стилем жизни. Если стиль жизни меняется, то воспоминания тоже изменяются: человек будет иначе интерпретировать события, зафиксированные в памяти, или вспоминать другие случаи, идентифицируя их как наиболее ранние детские воспоминания [1].

По вопросу правильности воспроизводимых человеком воспоминаний существует несколько точек зрения. Р. Браун и Дж. Кулик полагали, что воспоминания фиксируются в памяти ярко, в подробностях и воспроизводятся без ошибок, если это воспоминания о жизненных событиях определенного рода, особенно неожиданные или очень важные.

В свою очередь приверженцы теории реконструкции полагают, что во многих случаях воспоминания людей содержат ошибки. Так Дж. Беркли писал, что автобиографическая память – это форма импровизации, при помощи которой человек создает подходящее описание прошлого, которое поддерживало бы личную согласованность человека.

Еще один взгляд на эту проблему принадлежит У. Брюеру. Он говорил, что по ряду определенных причин наши воспоминания искажаются. Он считал, что некоторые люди помнят прошлое вплоть до первого года жизни, но такое вряд ли возможно [12]. Истина в том, что они рассказывают воображаемые истории, а не память о реальных событиях. Однако для нас не столь важна правдивость и точность этих воспоминаний, поскольку в любом случае они представляют собой части личности. Некоторые люди признаются в том, что не помнят точно каких-либо событий прошлого. Возможно это действительно их воспоминания, а возможно – рассказы родителей. Но в нашем случае это также не имеет значения, ведь даже если то, что рассказывает нам человек, выдавая это за свои воспоминания, лишь рассказы, то они все равно уже запечатлены в его сознании и могут помочь ему раскрыть сферу своих интересов. Стоит отметить, что анализ детских воспоминаний А. Адлер считал лучшим способом, раскрывающим ядро стиля жизни индивида [2].

Стиль жизни формируется в стремлении к частичной цели превосходства. Основы этих целей закладываются еще в раннем детстве, так же как и чувство неполноценности, и, как следствие, стремление к превосходству. Таким образом мы видим, что самооценка влияет на нашу жизнь, и то, на чем она основывается, те ключевые аспекты в построении самооценки, мы можем проследить в ранних воспоминаниях человека. Например мы можем предположить, что если человек в своих воспоминаниях касается темы семейных отношений, и мы видим, что эти отношения были весьма сложными и тяжелыми для этого человека, то скорее всего его самооценка будет базироваться на семейных ценностях. К такому выводу мы приходим в результате следующих умозаключений: если в сфере семейных отношений ощущается неполноценность, то как следствие, появляется стремление ее компенсировать, которое становится ключевым в построении стиля жизни и является основой самооценки. Однако мы не можем точно утверждать, что именно те или иные события детства формируют самооценку человека в данный период, они закладывают основу. То есть если в детстве сформировалась неполноценность в определенной области, то человек всю жизнь стремится ее преодолеть, и именно на ценностях в этой области будет основываться его самооценка. Однако в момент, когда мы диагностируем человека, его самооценка может быть как высокой, так и низкой. Уровень самооценки будет корректироваться событиями, которые происходили на протяжении всей его жизни. Мы не можем точно утверждать, какое именно событие повлияло на «Я» этого индивида, одно воздействие может привести к нескольким исходам, поскольку стоит учитывать сопутствующие стимулы. И так же можно проследить обратную зависимость: разные уровни самооценки у разных людей могли сформироваться в результате одного и того же события, поскольку были сопутствующие переменные. В рамках обследования, диагностики и консультирования, метод ранних воспоминаний применяется совместно с другими методами исследования. Например в Адлерианской терапии для обследования детей применяют специальные опросники изучения личностного стиля ребенка, рисуночные и игровые методы, метод метафорического рассказа, для обследования взрослых применяется метод анализа речевых метафор, визуализации и многие другие. Однако самым главным методом исследования личности А. Адлер считал анализ ранних воспоминаний [11].

Личность человека формируется с самого рождения, таким образом, в воспоминаниях мы видим, как формировался прототип, ранний вариант взрослой личности. Этот прототип устанавливает цель, то направление, в котором будет развиваться жизнь индивида, давая нам возможность в некоторой мере предсказывать жизненный путь. Исправить ошибки прототипа мы можем не только во время его формирования, но и уже во взрослом возрасте, пересматривая всю ситуацию его детства. Важно найти именно фундаментальные ошибки, сделанные в раннем периоде развития личности индивида, тогда при помощи определенной терапии можно их исправить [2].

Из всего вышесказанного, мы можем заключить, что разгадка преступного стиля жизни сокрыта в ошибке прототипа, которую мы можем обнаружить, через анализ ранних воспоминаний преступников.

У преступников недостаточно развито чувство общности. Об этом говорит и А. Адлер в своей книге «Наука жить», и в тоже время это подтверждается некоторыми

современными исследованиями. Так например А. Молоствов показывает в своих исследованиях самоотношения преступников, что в детском возрасте они испытывали сложности в общении с близкими людьми, а во взрослом возрасте совершали преступления [9]. При этом он отмечает, что дефицит доверительного общения с близкими, и наличие в родительских семьях ярко выраженных проблем взаимоотношений характерно для преступников, совершивших насилие над близкими родственниками. Очень серьезной проблемой является родительская ложь (например, когда мать скрывает постоянные измены отца, смерть кого-то из близких и т.п.), это влечет за собой нарушение коммуникации между ребенком и взрослым. В силу неподтвержденности своих опасений, догадок, мыслей и чувств относительно реальности, у ребенка возникает чувство вины. Он не понимает, почему от него что-то скрывают, чувствует, что он сделал что-то не так, чувствует, как родители от него отдаляются. В результате этого формируется хроническое недоверие к другим людям и собственным чувствам, сопровождаясь тенденцией считать все вокруг нереальным [13]. В таких семьях матери обычно занимают доминирующее положение. Они распределяют семейный бюджет, решают внутрисемейные разногласия. Матери отвечают за воспитание детей, значительно чаще отцов кормят, заботятся о дочерях (в данном исследовании речь идет именно о женщинах, совершавших насилие). Однако функция наказания детей тоже лежит на матерях. В основном конфликты решаются криком, проявлением вербальной агрессии со стороны матери, в то время как отцы могут применять физическое наказание. Можно сказать что дети, воспитывавшиеся в таких семьях, повторяют семейный сценарий. Наблюдая насилие в детстве, они начинают совершать его во взрослом возрасте, фактически это можно расценить как месть за насилие, которое над ними совершали родители [14; 15; 16]. Возвращаясь к вопросу недостатка в общении с близкими, стоит сказать, что одной из движущих основ для таких индивидов является потребность в общении, желание быть принятыми другими людьми, устанавливать близкие эмоциональные контакты [8]. Однако это не очень эффективно выходит в силу низкого уровня адаптации и умения общаться, поэтому довольно часто мы можем наблюдать с их стороны попытку контроля окружающих людей. У преступников, совершивших тяжкие насильственные преступления (насилие, убийство), проявляется тенденция к восприятию окружающего мира как враждебного, несмотря на стремление быть частью его. Их не волнует мнение окружающих, они сосредоточены на собственных чувствах и переживаниях, они часто проявляют импульсивность и агрессивность при социальных контактах, опасаясь за личную безопасность [3]. Как мы видим, ощущение недостаточности, приобретенное в детстве в результате дефицита общения с близкими, ведет к стремлению к ее компенсации, порождая важность общения во взрослом возрасте. Таким образом мы предполагаем, что преступники, осужденные за тяжкие насильственные преступления, базируют свою самооценку на таких основаниях как семья, игнорируя одобрение других, а в воспоминаниях будут фигурировать образы родителей, в частности матери, однако описания будут проходить в плоскости «Я – Они», а «Мы – ситуацию» нам увидеть не удастся. Часто будут всплывать ситуации одиночества, отвергнутости, проблемы взаимоотношений с окружающими людьми. А. Молоствов вслед за А. Адлером утверждает, что в вопросах диагностики личностных качеств преступников, анализ дефицитов (неполноценностей по А. Адлеру) занимает особое место, так как при их помощи возможно составить более глубокое и точное представление о ценностях и мотивах поведения индивидов, в том числе и при совершении преступлений. В своем исследовании он показывает,

что для преступников, совершавших кражи, наиболее значимым дефицитом является материальный. Таких испытуемых в детстве часто наказывали, ограничивая сладким, блокируя доступ к каким-то материальным благам, их не баловали подарками [8]. В этом случае мы смеем предположить, что преступники, осужденные за кражи, основывают свою самооценку на престиже, как обладании материальными ценностями, а в их ранних воспоминаниях часто фигурируют ситуации ущемления желаний, часто связанных с праздниками и получением подарков.

Теперь обратимся к рассмотрению логики совершения преступления. Многие психологи полагают, что преступники, совершая противозаконные действия, считают их не только оправданными, но и героическими. Почему? Дело в том, что преступник считает что достиг превосходства, ведь он сумел обойти закон, остаться не пойманным, но даже если он уже оказался за решеткой, это чувство не проходит, ведь правоохранительным органам пришлось приложить усилия, чтоб его вычислить, задержать, он их превзошел, оказался умнее. Преступник считает себя героем. Этим объясняется его завышенная самооценка. Он относится к себе менее критично, чем законопослушные граждане, при этом характеризуя себя более положительными качествами, но в тоже время самооценка преступника может быть как чрезмерно завышенной, так и излишне заниженной, наблюдается высокий уровень, так называемого, деструктивного нарциссизма – неспособности критически воспринимать и оценивать себя (от фантазий величия до идеи собственной ничтожности) [4]. Делая акцент на положительных качествах, преступник отвергает свою преступную роль, не желая с ней идентифицироваться. Правонарушители часто не раскаиваются в своих преступлениях, предпочитая обвинять других в содеянном, перекладывать вину за свои действия на других, представлять себя в роли борцов за справедливость [4]. Самооценка преступников, осужденных за преступления различного характера, специфична и коррелирует с характером совершенных деяний. Так преступники, осужденные за насильственные преступления, акцентируют внимание на качествах, отражающих взаимоотношения с другими людьми. Осужденные за корыстные преступления подчеркивают альтруистические черты [10]. Самооценка отражает ценностные ориентации индивида, в случае с преступниками она обнажает дефекты их ценностной сферы.

Подводя итог вышесказанному стоит отметить, что анализ воспоминаний показывает нам очень многие стороны личности. В своих воспоминаниях человек отражает не просто сюжет событий, происходивших с ним, но и то, какой отпечаток на его личности они оставили. Таким образом в ранних воспоминаниях мы можем проследить не только то, из чего сформировалась и выросла личность, но и то, что является ключевым аспектом для построения жизни, деятельности этого человека. Из них мы узнаем главную цель человека, узнаем его стремления, особенности. Но самое главное, что нас интересует, это то, как в содержании ранних воспоминаний красной линией проходит тема становления самооценки. Из воспоминаний детства мы получаем информацию о том, на чем человек основывает свою самооценку, недостаточности в каких сферах жизни ему необходимо компенсировать, чтоб принимать себя, ценить и комфортно существовать.

В данной работе мы попытались объяснить психологические механизмы преступного поведения через понятия адлеровской психологии. На наш взгляд в

основе преступного стиля жизни многих осужденных лежат травмирующие детские воспоминания, которые закладывают нездоровую основу для формирования ценностей и самооценки, которая на них базируется. Представляется что типология правонарушителей, основанная на особенностях ранних воспоминаний, позволит разработать соответствующие типовые программы психологической коррекции осужденных [5].

Выдвинутая нами гипотеза будет проверена в рамках эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей самооценки и содержания ранних воспоминаний преступников, отбывающих наказание за тяжкие насильственные преступления (убийство, изнасилование) и кражи. Результаты исследования заключенных будут сопоставлены с результатами людей, не привлекавшихся к административной и уголовной ответственности, что позволит нам выявить отличительные детали в содержании ранних воспоминаний преступников. Таким образом мы сможем найти ошибки прототипа, сформированного в детстве и отраженного в ранних воспоминаниях респондентов. В дальнейшем результаты данного исследования послужат основой для создания нового психотерапевтического подхода.

Литература

1. Адлер А. Индивидуальная психология: теория и практика. – СПб: Ленинградский Государственный университет, 1993. – 107 с.
2. Адлер А. Наука жить. – Киев: Port-Royal, 1997. – 286 с.
3. Бовин Б.Г., Кокурин А.В., Мокрецов А.И. Психологические аспекты изучения личности осужденного // Преступление и наказание, 2004, № 9. – С. 18–20.
4. Бовин Б.Г. Эго-психология осужденных с рецидивной преступностью // Человек: преступление и наказание, 2010, № 1. – С. 1–17.
5. Дебольский М.Г. Возможности психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания // Развитие личности. 2012, № 3. – С. 230–241.
6. Капрара Дж. Психология личности / Дж. Капрара, Д. Сервон. – СПб: Питер, 2003. – 640 с.
7. МакАдамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 3. – С.135–166.
8. Молоствов А.В. Особенности самоотношения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2010, № 4. – С.73–78.
9. Молоствов А.В. Особенности семейного воспитания и межличностного общения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении

- близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2010, № 3. – С. 91–100.
10. *Рашинов А.Р., Константинова Н.Я., Собчик Е.М.* Самооценка преступников // Личность преступника как объект психологического исследования: Сборник научных трудов. М., 1979. – С. 63–78.
  11. *Сидоренко Е.В.* Экспериментальная групповая психология. Комплекс «неполноценности» и анализ ранних воспоминаний в концепции Альфреда Адлера / Е.В. Сидоренко. – СПб, 1993. – 152 с.
  12. Состояние преступности – январь-август 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2013. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2534121> (дата обращения: 25.09.2014).
  13. *Brewer W.F.* What is autobiographical memory? // *Autobiographical memory.* – New York, 1986. P. 25–49.
  14. *Cain A.C.* Children's disturbed reactions to parent suicide. In *Survivors of suicide.* – Springfield, Illinois: C.C. Thomas, 1972. P. 93–111.
  15. *Downey G.* Early interpersonal trauma and later adjustment: The mediational role of rejection sensitivity. In *Development perspectives on trauma: Theory, research and intervention* // Rochester, New York: University of Rochester Press, 1997. P. 85–114.
  16. *Herman J.L.* Traumatic antecedents of borderline personality disorder. In *Psychological trauma* // Washington, DC: American Psychiatric Press, 1987. – P. 111–126.
  17. *Kalmuss D.* The intergenerational transmission of marital aggression. // *Journal of Marriage and the Family*, 1984. № 46. – P. 11–19.
  18. *McAdams D.P.* Personal narratives and the life story // *Handbook of personality: Theory and research.* – 2 nd ed. – New York, 1999. – P. 478–500.
  19. *McAdams D.P.* Personality, modernity and the storied self: A contemporary framework for studying persons // *Psychol. Ing.*, 1996. № 7. – P. 295–321.

Scientific approach to the problem of early memories and self-criminals

Debolsky M.G., Ph.D., associate professor, professor of psychology and the legal rights of the Faculty of Legal Psychology Medical University Moscow State University of Psychology & Education (mdebolsky@mail.ru)

Ogor A.Y., Bachelor of Science in Psychology, MA Student of 2nd course of "Forensic Psychology: Forensic Expert Practice", Moscow State University of Psychology & Education (a.ogor@kellyservices.ru)

This article deal with a theoretical overview of the problem of early recollections and self-esteem criminals. Discussed issues are considered within the concept of Alfred Adler.

A. Adler said that the earliest memories - is the starting point of an autobiography, which traced the first assessment itself, which is the basis of self-esteem and life style. Has been hypothesized about the existence correlation between the content of early recollections and self-esteem, which is a precondition for the formation of a criminal lifestyle. This hypothesis is based on the analysis of large number of theoretical studies foreign scientists (J. Bruner, C. Miner, G. Murray, J. Kramer, S. Tomkins, L. Ross and Newby-Clark, M. Singer and P. Salovey, LA Polkington and D. McAdams) and some empirical studies (A. Molostvov).

The article describes the main points of view on the question of the correctness of reproducible human memories. The authors share the position of A. Adler that certain childhood experiences form the self-esteem of man. If in childhood has been formed inferiority in a certain area, the man all his life to strive for superiority, and it was on the values in this field will be based his self-esteem. Important to find the fundamental mistakes made in the early period of personality development, then using particular therapy can to correct them into adulthood. Thus, the article focuses on the reader an opportunity to improve the psychotherapeutic work with early recollections of convicts to reduce the risk of re-offending.

Keywords: early recollections, lifestyle, self-esteem, strive for superiority, autobiographical memory, narrative.

References

1. *Adler A.* Individual'naja psihologija: teorija i praktika. – SPb: Leningradskij Gosudarstvennyj universitet, 1993. – 107 p.
2. *Adler A.* Nauka zhit'. – Kiev: Port-Royal, 1997. – 286 p.
3. *Bovin B.G., Kokurin A.V., Mokrecov A.I.* Psihologicheskie aspekty izuchenija lichnosti osuzhdennogo // Prestuplenie i nakazanie, 2004, № 9. – pp. 18–20.
4. *Bovin B.G.* Jego-psihologija osuzhdennyh s recidivnoj prestupnost'ju // Chelovek: prestuplenie i nakazanie, 2010, № 1. – pp. 1–17.
5. *Debol'skij M.G.* Vozmozhnosti psihologicheskoj sluzhby ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v realizacii celej nakazaniya // Razvitie lichnosti. 2012, № 3. – pp. 230–241.
6. *Kaprara Dzh.* Psihologija lichnosti / Dzh. Kaprara, D. Servon. – SPb: Piter, 2003. – 640 p.
7. *MakAdams D.P.* Psihologija zhiznennyh istorij // Metodologija i istorija psihologii. 2008. Tom 3. Vypusk 3. – pp. 135–166.
8. *Molostvov A.V.* Osobennosti samootnoshenija osuzhdennyh zhenshin, otbyvajushhih nakazanie v vide lishenija svobody za nasil'stvennye prestuplenija, sovershennye v otnoshenii blizkih rodstvennikov // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2010, № 4. – pp. 73–78.
9. *Molostvov A.V.* Osobennosti semejnogo vospitanija i mezhlichnostnogo obshhenija osuzhdennyh zhenshin, otbyvajushhih nakazanie v vide lishenija svobody za nasil'stvennye prestuplenija, sovershennye v otnoshenii blizkih rodstvennikov // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2010, № 3. – pp. 91–100.
10. *Ratinov A.R., Konstantinova N.Ja., Sobchik E.M.* Samoocenka prestupnikov // Lichnost' prestupnika kak ob#ekt psihologicheskogo issledovanija: Sbornik nauchnyh trudov. M., 1979. – pp. 63–78.
11. *Sidorenko E.V.* Jeksperimental'naja gruppovaja psihologija. Kompleks «nepolnocennosti» i analiz rannih vospominanij v koncepcii Al'freda Adlera / E.V. Sidorenko. – SPb, 1993. – 152 p.
12. Sostojanie prestupnosti – janvar'-avgust 2014 goda [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. 2013. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2534121> (data obrashhenija: 25.09.2014).
13. *Brewer W.F.* What is autobiographical memory? // *Autobiographical memory.* – New York, 1986. P. 25–49.

14. *Cain A.C.* Children's disturbed reactions to parent suicide. In *Survivors of suicide*. – Springfield, Illinois: C.C. Thomas, 1972. P. 93–111.
15. *Downey G.* Early interpersonal trauma and later adjustment: The mediational role of rejection sensitivity. In *Development perspectives on trauma: Theory, research and intervention* // Rochester, New York: University of Rochester Press, 1997. P. 85–114.
16. *Herman J.L.* Traumatic antecedents of borderline personality disorder. In *Psychological trauma* // Washington, DC: American Psychiatric Press, 1987. – P.111–126.
17. *Kalmuss D.* The intergenerational transmission of marital aggression. // *Journal of Marriage and the Family*, 1984. № 46. – P.11–19.
18. *McAdams D.P.* Personal narratives and the life story // *Handbook of personality: Theory and research*. – 2 nd ed. – New York, 1999. – P. 478–500.
19. *McAdams D.P.* Personality, modernity and the storied self: A contemporary framework for studying persons // *Psychol. Ing.*, 1996. № 7. – P. 295–321.